

Н. В. Патроева

«ЕПИНИКИОН» ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА В РИТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

Резюме

Эпоха барокко главное внимание уделяла поиску приемов и способов художественного выражения как стиле- и жанроформирующих средств декорирования слога. В статье представлен анализ риторических приемов Феофана Прокоповича, принятый прежде всего в аспекте связи Феофановых опытов в стихах с рекомендациями, имеющимися в его же трактатах «О поэтическом искусстве» и «Об искусстве риторическом». Демонстрирующий приверженность раннего Феофана-поэта церковнославянской культурной стихии «Епиникион» содержит широчайшую палитру книжно-славянских лексических и грамматических особенностей и риторических приемов. Применение Феофаном риторических приемов свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений, на что указывал в своих работах А. М. Панченко. Наряду с метафорами, сравнениями, метонимиями, синекдохами, аллегориями, олицетворениями, парафразами, антономасией, гиперболой в одическом по своей жанровой устремленности «Епиникионе» применяются направленные против врагов — «варваров» и «еретиков» сарказм и едкая ирония. Отсутствие напыщенности и декоративных излишеств для «средних» жанров и еще более умеренное употребление фигур в «низком» стиле речи как требования Феофановых сочинений по искусству поэтическому и ораторскому соблюдаются достаточно строго в синтаксических творениях самого ритора. Не случайно призыв к отмене барочного «пиитического» и риторического аппарата прозвучал, вероятно, впервые именно в трактатах Феофана Прокоповича — в связи с этим закономерно, что и своим стихотворческим искусством суровый и строгий сподвижник петровских преобразований стремился продемонстрировать новые для российской словесности стилистику, риторику и поэтику, проложившие дорогу русскому классицизму, новейшим поэтам России в лице

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

Антиоха Кантемира, Василия Тредиаковского и Михаила Ломоносова и уже отличающиеся в значительной степени от ранних вирш XVII в.

Ключевые слова: риторика, поэтика, история русской поэзии первой половины XVIII в., история российской риторической традиции, троп, фигура речи

Natalia V. Patroeva

THE RHETORICAL ASPECT OF "EPINIKION" BY FEOFAN PROKOPOVICH

Abstract

The search for techniques and ways of artistic expression as a style- and genre-forming means of decorating the text was the main concern of baroque writers. This article analyzes the rhetorical devices of poetic texts by Feofan Prokopovich in comparison with recommendations that Feofan gives in his treatises "On the Poetic Art" and "On the Art of Rhetoric". "Epinikion" demonstrates the early Feofan's adherence to the Church Slavonic cultural tradition. It contains the widest range of Slavonic literary lexical and grammatical features and rhetorical devices. Feofan's use of rhetorical devices testifies to his "moderate" baroque aspirations, noted by Aleksandr Mikhailovich Panchenko. "Epinikion" is written in the ode genre. In it, along with metaphor, comparison, metonymy, synecdoche, allegory, personification, paraphrase, antonomasia, and hyperbole, Feofan uses sarcasm and caustic irony against enemies, whom he calls "barbarians" and "heretics". In his syllabic texts, Feofan quite strictly observes the requirements he prescribes in his works on poetic art and rhetoric: the avoidance of pomposity and decorative excesses in texts of the middle style and even a more moderate use of figures of speech in the plain style texts. It is no coincidence that Feofan Prokopovich was probably the first to call for the abolition of the baroque poetic and rhetorical devices in his treatises. With his poetic gift, this stern and strict supporter of Peter the Great's reforms sought to demonstrate the use of a new style, rhetoric, and poetics in Russian literature. Feofan's poetic texts differ to a large extent from seventeenth-century verses and paved the way for Russian classicism and the new Russian poets — Antioch Kantemir, Vasily Trediakovsky and Mikhail Lomonosov.

Keywords: rhetoric, poetics, history of Russian poetry, Russian poetry of the first half of the 18th century, history of Russian rhetorical tradition, tropes, figure of speech

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-72-86

...Не трудно понять (...) отношение к западно-европейской литературе литературы каждой иной народности, которая долгое время развивалась изолированно и потом примкнула к общему потоку европейской цивилизации. Усвоение форм литературного творчества есть для нее первый шаг к сближению и подчинению, но шаг еще незначительный, подчинение чисто внешнее, и при нем она может сохранять глубокую внутреннюю самобытность, может оставаться вполне национальной. Такова была вся русская литература XVIII века, исполненная надежд своего народа, тревог своего времени, повсюду под заимствованными формами отражая особый склад его ума и чувства. (...) в Феофане Прокоповиче или в Кантемире, несмотря на их чуждое внешнее убранство, мы слышим тон и звук, которые совершенно национальны, вытекают прямо из духа и жизни своего времени и народа.

[Розанов, с. 184]

Одним из основателей русской школы стихотворства и реформаторов литературного языка по праву считают Феофана Прокоповича¹, великого церковного и политического деятеля России, яростного защитника петровских преобразований², о чем неоспоримо свидетельствуют его проповеди-«слова» и стихотворные произведения. Собственные лингвистические, стилистические и риторические устремления Феофана, к сожалению, не реконструированы в полном объеме. Источниками, которые позволяют прояснить хотя бы в какой-то степени позицию поэта-оратора и политического деятеля в языковых спорах первой половины XVIII в., могут служить, прежде всего, его «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X». Написанные на латыни, прочитанные как курсы лекций в Киево-Могилянской академии и не имевшие долгое время печатного воплощения, как и перевода с латинского на русский, трактаты эти были известны первоначально только в списках, которые широко использовались в процессе преподавания цер-

---

¹ Ср. с мнением С. А. Кибальника: «На эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в. Так, например, Ломоносов, по-видимому, был знаком с „Поэтикой“ Прокоповича, а будучи студентом московской Славяно-греко-латинской академии, слушал и записал курс лекций по риторике его ученика Порфирия Крайского» [Кибальник, с. 205–206].

² О биографии и творческом пути Феофана Прокоповича см.: [Автухович 1999].

ковного красноречия в духовных училищах России, в том числе и в Славяно-греко-латинской академии. Изучение поэтического творчества Феофана представляется также важнейшим и необходимым звеном для обоснования его реформаторской роли в истории русской словесности. Все произведения Феофана Прокоповича: учебные, научные, публицистические, художественные — объединяет хорошо ему известная и признаваемая в качестве авторитетной традиция юго-западной и — шире — западноевропейской риторики, из которой писатель черпал образцы художественного выражения³, как и из лучших творений древнегреческих и римских поэтов.

По замечанию А. М. Панченко, барочная и классицистическая жанровая система «была всецело зависима от риторики» и не было «ничего в поэтике, чего не было в риторике» [Панченко 1974, с. 127], поэтому «Поэтика» и «Риторика» Феофана Прокоповича тесно связаны как взаимодополняющие трактаты, готовящие будущих мастеров слова не только к ораторскому, но и к писательскому поприщу. Далее анализ риторических приемов, применяемых Феофаном Прокоповичем, будет сосредоточен прежде всего на области тропов и фигур речи, так как мастера слова, писатели эпохи барокко особое внимание уделяли использованию этих приемов как способов украшения речи, слоگو- и жанроформирующих средств, поэтому для барочных поэтов и ораторов особенно значимым из пяти традиционных разделов трактатов об искусстве красноречия (*inventio*, *dispositio*, *elocutio*, *memoria*, *actio*) стал третий.

XVIII столетие знаменуется не только углублением личностного начала в художественном творчестве, но и расширением жанровой системы русского барокко, постепенное складывание которой началось еще во второй половине XVII в. и шло параллельно с первым процессом. Не случайно в трактате «О поэтическом искусстве» Феофан предлагает стилистические

---

³ Западноевропейские поэтические руководства в дополнение к риторическим трактатам в XVII в. нередко включали словники — списки составлявшихся в помощь мастерам слова готовых тропов, фигур, формул, крылатых слов, цитат из античных авторов, Библии. Библиотека Симеона Полоцкого включала подобные руководства — см. об этом: [Сазонова 2006, с. 166–168]. Нельзя исключить знакомство энциклопедически образованного и посетившего Италию Феофана с подобными же латиноязычными списками «общих мест» поэтических выражений — *Loci communes*. Не случайно Р. Лахманн определяет риторику как «вторичную грамматику» и «функциональную прагматику» языка: «Формулируя правила на основе знания грамматики первичного языка, грамматика *elocutio* как субкод, представляющий код поэтический, принимает на себя роль функциональной прагматики» [Лахманн, с. 7].

рекомендации (точнее, предписания⁴) для многих художественных жанров⁵, популярных в европейской литературе современной ему эпохи, возражая любителям излишних «словесных прикрас» и «неумеренной вычурности» фраз: «Стиль большей частью должен быть средним между возвышенным и низким; слова должны быть ясными и метафоры естественными, мысли же не должны быть раздуты многословием, но выражены в немногих словах, перифраза — проще и напоказ» [Прокопович 1961, с. 424].

В риторике Феофана Прокоповича находим, согласно установившейся с античных времен традиции включения в руководство обязательного раздела об элоквенции, подробное описание фигур речи (всего около семидесяти, в том числе тропов [Прокопович 2020, с. 235 и след.]), — и этот раздел оказывается одинаково полезен и составителю «слов» или «речей», и поэту.

С точки зрения манифестации (способа выражения) Феофан Прокопович разграничивает *фигуры словесные* (метафора, метонимия, синекдоха, антономасия, повтор, полисиндетон и пр.) и *фигуры смысловые* (аллегория, перифраза, олицетворение, гиперболла, эпифонема, апострофа и др.). С точки зрения своего предназначения (функции) риторические приемы разделяются Феофаном Прокоповичем уже на три группы: 1) служащие для «поучения», из которых важное место принадлежит «характеризму», «гипотипозе», участвующим в создании портрета, описания, и «этологии» как «нравоописательной речи» [Прокопович 2020, с. 237, 245]; 2) способствующие «услаждению» речи — «метатеза» (хиазм), антитеза, «антитетон», «антономасия», «диафора» (вид повтора), «гомэоза» (сравнение), «диализа» (бессоюзие), «гипербат» (инверсия, необычный порядок слов), метафора, метонимия, «оксиморон», парономасия, перифраза, аллегория, синекдоха и др. [Прокопович 2020, с. 251–259]; 3) «относящиеся к воз-

---

⁴ Сошлемся на трактовку модальности не столько рекомендующего, сколько предписывающего характера для ранних российских риторик, представленную у В. М. Живова: «Обнаруживая, например, что «Риторика» Феофана Прокоповича почти целиком основана на аналогичных трактатах европейского умеренного барокко (Никола Коссена и Юния Мельхиора (...)), мы естественно хотим поставить ее в тот же ряд, приписав ей тот же характер и те же функции, что и ее европейским образцам. Это сходство, однако, обманчиво. Риторика в Европе регулирует существующую речевую практику, рекомендуя читателю определенным образом сочетать риторическую стратегию с риторическими средствами. Та же риторика в России создает новую практику и поэтому не рекомендует, а предписывает (...) При пересадке на русскую почву меняется модальность (...) риторика превращается в устав...» [Живов, с. 928].

⁵ По рекомендации Феофана Прокоповича стиль таких лирических жанров, как ода, гимн, дифирамб — разновидностей «песен», «должен быть сладостным; в них необходимо применять все фигуры, которые способствуют услаждению» [Прокопович 1961, с. 442].

буждению переживаний» — «просопея» (олицетворение), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), «климакс» (усиление, восходящая градация), гипербола, «полисиндетон» (многосоюзиe), сарказм и пр. [Прокопович 2020, с. 259–267]. Каждая из трех групп обнаруживает тяготение к «сниженному», «среднему» и «возвышенному» стилям, с тем уточнением, что фигуры первой группы встречаются в «цветистом» и «возвышенном» стилях, когда требуется «описывать что-либо» [Прокопович 2020, с. 268], приемы второй группы не следует исключать из области «низменного» или высокого стиля, а фигуры третьего рода — из «сниженного». Таким образом, применение риторических приемов, образных средств регламентируется, согласно рекомендациям Феофана Прокоповича, прежде всего стилем и жанром произведения в их соответствии с целями автора, содержанием и композицией текста.

Проведенный в рамках подготовки данной работы анализ риторических приемов показывает, что Феофан в своей стихотворной речи предпочитает использовать в качестве средств эмоционального воздействия, смыслового подчеркивания и украшения те из них, которые в трактате «De arte rhetorica libri X» относятся к первой группе, то есть служат «для поучения».

Из всех писавшихся обычно «на случай» поэтических творений Феофана при его жизни было опубликовано только одно — положивший начало российской героической поэме и торжественной оде написанный в трех вариантах (латинском, русском и польском [Николаев, с. 132–138]) и посвященный Полтавской баталии «Епиникион, сиест пѣснь побѣдная о тоейжде преславной побѣде», который не мог не оказать влияния на развитие ранней российской поэзии, — именно поэтому представляется важным проанализировать практическую поэтику и риторику Феофана Прокоповича на этом материале.

«Характеризм» и «гипотипоза» создаются прежде всего не упоминаемыми у Феофана (как позднее и у Ломоносова, например) в качестве особого термина в ряду «словесных» и «смысловых» «фигур» эпитетами, яркими, часто метафорическими, иногда по-гомеровски двухкорневыми: *златый Орган рифмотворческий; вѣтыйских устен; плач умилный; безбѣдно здравие; главы проклятыя; лестной ереси; род благовѣрный; лютаго фараона; дивна Гордость... и мечта, естеству противна; благополучными объты; жестокий Марс; бѣс яростный; змѣнник неистовый; свѣй дерзкий; бог сильный; род лютый; лютая... брань; храброй России; род вѣрный; Крест... златый* [Прокопович 1961, с. 209–214]. При этом некоторые эпитеты Феофана являются столь необычными и свежими, что заслуживают право называться окказио-

нальными, хотя вопрос этот нуждается в специальном изучении с опорой на предшествующую традицию.

Второе место по степени активности в «Епиникионе» принадлежит различного типа *повторам*, в том числе анафорам, «диафорам» как возвратам к уже употребленному слову, анадиплосисам-«подхватам», «удвоениям», эпифорам-созвучиям концов попарно рифмующихся строк (однако хиазм маргинален), способствующим амплификации, играющим особую структуро-, смысло-, рифмо- и ритмообразующую роль в поэтическом синтаксисе Феофана:

— повтор лексический и морфемный:

*...Боже всесильный... Бог всемогущий...
Нынѣ и день лучшею красен добротою,
И солнце множайшая луча испущает,
И лицъ краснѣйшее цвѣт полный являет.
Летит свѣтъ, летит купно змѣнник неистовый.
Страшное блистание, страшный и великий
Град падает желѣзный; обаче толикий
Страх не может России сил храбрех сотерти...
Пѣти будет веселник по морю пространном;
Пѣти будет на холмѣ путник утружденный...*

— звуковые повторы и паронимасия:

*...По всей же вселенной
Разсѣй велегласие въсти торжественной!
На отца отчества мещеши меч дерзкий!..
Но и здѣ непостоян злый змѣнник явился,
Змѣнив царю и Марсу...*

[Прокопович 1961, с. 209, 210, 213]

— повтор с одновременным применением хиазма (перестановки, метатезы):

*И оповѣсть иногда лѣты изнуренный
Старец внуком, и, яко своима очима
Видѣ то, внуци старца нарекут блажима.*

[Прокопович 1961, с. 213]

«Амплефекovati», или «наращати слова» [Прокопович 1961, с. 201–202], — обычное требование руководств по красноречию XVII — начала XVIII в. Феофан Прокопович обращает внимание, что применение амплификации не имеет прямого отношения к многословию: «Амплификация не заключается в том, чтобы то, чего можно коснуться вкратце, излагалось

многословно; это ведь перифраза» [Прокопович 1961, с. 416]⁶. К амплификации относятся такие приемы, как «приращение» (например, в виде градации), «сравнение» и «нагромождение» посредством введения синонимов, «побочных обстоятельств», перечисления, полисиндетона:

*Тако егда обоим странам Бог высокий
Судбы своя устрои, абие жестокий
Марс сию часть и ону начат поощряти;
Скорим бѣгом и вътру подобним до рати
Полки устремишася; сих ревность по въри
И отчество раждеже, овѣх же без мѣри
Распали бѣс яростный и жаждущий крови.*

[Прокопович 1961, с. 210]

Исследователи уже указывали на такие способы художественного выражения, часто применяемые в Феофановой лирике, как *аллегория* [Буранок, с. 252–348; Копаниця, с. 156–161], тесно связанная с эмблематичностью символического мировосприятия и представления тех или иных сущностей в искусстве барокко, и *антитеза*, свидетельствующая о барочном в своих истоках стремлении смешивать противоположное, высокое и низкое, большое и малое. Особенно часты в стихотворениях антитетичность добра, блага и зла, лукавства; контраст дня, света просвещения, солнца и ночного мрака, тьмы языческого невежества; противопоставление «своих», «правоверного воинства» верных государю сторонников, и предателей-перебежчиков, врагов — «варваров», «еретиков» и др.: *лев, иже многия устрашаше грады* [Прокопович 1961, с. 213] — о короле Карле XII; *лютот ехидной* [Прокопович 1961, с. 214] иносказательно называется униатская церковь. В аллегориях Феофана, как и у его предшественников, наряду с библеизмами используются нередко античные прецедентные имена⁷, что создает диалог многоязычия⁸ и широту интертекстуальных переключек.

---

⁶ Ср. с еще одной рекомендацией Феофана: «Для краткости повествования не пытайся выражать его немногими словами. Но что сказать, если сам предмет требует обилия слов?» [Прокопович 2020, с. 158].

⁷ Античные (у Феофана это, например, *Марс*) и христианские (образ *вертограда*, создающий аллюзийные связи не только с Библией, но и с поэзией Симеона Полоцкого) мотивы при этом часто переплетались, не противореча друг другу, в пределах одного контекста — см. подробнее об усвоении античной образности: [Живов, Успенский, с. 461–531].

⁸ По наблюдениям исследователей, набор аллюзий и — шире — иных приемов художественной выразительности не аналогичен в латинской, польской и русской редакциях произведений Ф. Прокоповича — см., например: [Трофимов, с. 335–353].

Обилие риторических восклицаний, вопросов и обращений («эпифонем», «апостоф») — также яркая черта слога и синтаксиса Ф. Прокоповича. Распространенное придаточной частью обращение создает еще и «парентезу», «при которой в непосредственно следующей фразе вставляется какое-либо <предложение>, занимающее промежуточное положение» [Прокопович 2020, с. 265] — пока очень редкий прием, который получит широкое распространение в более поздний период развития русской поэзии:

*<...> О Боже всесильный,
Еще наш приял еси вопль и плач умилный,
Еще нас не судиши в конец отринуты!*

[Прокопович 1961, с. 209]

*О племя ехиднино! О изверже мерзкий!
Забыв любов отчую и презрѣв самого
Твердый закон естества!*

[Прокопович 1961, с. 210]

*...О блаженство наше!..
О день благополучный! Кий язык и кое
Слово изреци может блаженство такое!*

[Прокопович 1961, с. 212]

*Коликя zde врагом возрастоса роги,
Тебѣ же неудобства и труды премноги!*

[Прокопович 1961, с. 213]

Чаще парентезы у Феофана создаются вставками, напоминающими спонтанные перебивы речевого потока, создающими эффект непринужденной устной беседы, и в этом проявляется яркое синтаксическое новаторство Феофана Прокоповича:

*Уже брань десятое льто начинаше
(Время брани Троянской)...*

[Прокопович 1961, с. 209]

*Обаче в толь тяжкий год (О безсмертной славы
Дѣло!) побѣдил еси...*

[Прокопович 1961, с. 213]

При построении парентез у Феофана Прокоповича используется и анадиплосис (подхват — повтор элемента до и после вставки):

*...Абие бо от горняго дому
Низпосла щит (щит, им же во лютое время
Хранит грады, и царства, и людское племя)*

*И вся на главу твою и на твоя силы
Летуция сотвори бездѣльные стрѣлы.*

[Прокопович 1961, с. 212]

Среди *метафор* преобладают именные — с учетом активности эпитетов, основанных на переносе по сходству признаков, однако глагольные и субстантивные метафоры используются Феофаном примерно в равном соотношении (*яд звѣрный; сотре ад; вливает тверду дерзость; дати крѣпость и щит нерушимый; пройдет скоро глас сей торжественный, На мир весь сугубому верху подложенный; страх велий обиймет* [Прокопович 1961, с. 209–214])⁹, когда одна поддерживает в контексте предложения и целого произведения другую, развертываясь морфологически разнообразно (ср. с более поздними контекстами из Ломоносова типа *Открылась бездна, звезд полна...*).

Метафора, наряду с эпитетом, метонимией (*церковь попрати и род благозвѣрный; Совосплещут градове* [Прокопович 1961, с. 213]), синекдохой (*Падесея супостат наш лютый; И погрузи во крови главы проклятыя; егда уже баше / внутр отчества супостат сверѣпий и дивый; моя (...) десница со Петром на брани будет; ожесточи тогда сердца супостатския; Укри труп свѣйский поле; молвы (...) востаха; Укрощевати молвы, предѣлы хранити* [Прокопович 1961, с. 209, 210, 213]), сравнением (*аки море земля потрясется; поражен силою десници твоя, аки с небес молнием; Блисну огнем все поле; многия воскорѣ / Излѣтеша молния; не таков во морѣ / Шум слышится, егда вѣтр на вѣтр ударяет, / Ниже тако гром з темных облаков рыкает, / Яко гримят армати...* [Прокопович 1961, с. 210–213]), перифразом (*отчества враг велий* [Прокопович 1961, с. 209] — о гетмане И. Мазепе; *Марс сей многобѣдный* [Прокопович 1961, с. 213] — о Карле XII; *рускаго Марса* [Прокопович 1961, с. 214] — о Петре I; *от горняго дому* [Прокопович 1961, с. 214]), олицетворением (*...грядет мир веселий / И безбѣдно здравие ведет со собою; побѣда ждет; внийде брань* [Прокопович 1961, с. 209–210]), гиперболой (*Пройдет стѣны и врата глас торжества велий; И всѣх силы твоя страх велий обиймет; Все твоей начнут дружбы, все мира желати...* [Прокопович 1961, с. 213–214]), риторическим обращением (*Ты рци, славо гласная!; О свѣю; О Пьтре, царей славо; о царю и воине сильный; Царю Богом вѣнчанный; монархо державный; о храбрый царю* [Прокопович 1961, с. 209–213]) и прочими

⁹ См. комментарии к некоторым переносам слов у Феофана: [Балашова, с. 256, 261].

типами фигур, участвует у Феофана в создании таких *Locī communes* оды и панегирика¹⁰, как мотивы «протяженности России», монаршей славы и силы, символики света и тьмы, «золотого века» (времени) и пр. При этом наличие среди тропов «общих мест» (например, *щит, ад, солнце, яд* в метафорическом значении) в словесности риторической эпохи оценивалось как нечто положительное и необходимое, узнаваемое как знак семиосферы (топики) «своей» культуры.

В «Епиникионе» читатель не найдет ничего из того, что осуждал Феофан Прокопович в своей «Риторике»: ни нелепой «пышности», ни «вычурных и незначительных по содержанию фразок», ни «чрезмерной манерности» [Прокопович 2020, с. 45–53]. Более того, «речь может быть размеренной только в силу избытка слов» [Прокопович 2020, с. 210], из которых складываются «звенья», «колонны», «периоды» и формируется ритм, «трогающий сердца», поэтому мерное течение речи в Феофановых стихотворениях развертывается часто в виде многочленного периода:

*Бог же, сие блаженство давший нам тобою,
Тожде твоим здравием и дний долгою
Да укрѣпит, желаем, всегда ти побѣдну
Дая помощь, да бы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
Дал тебѣ оружием, и вся сокрушити
Темници варварския и ярем безмѣрный,
И от долгих узилищ извести род вѣрный,
Да же, вся побѣдныя совершивше рати,
Крест на стѣнах Сионских водрузиши златый.*

[Прокопович 1961, с. 214]

Синтаксис, насыщаясь для создания едкой иронии и сарказма эмоциональными вопросами и восклицаниями, напоминает развертывание гневных «филиппик» Цицерона:

*Камо духом бѣсовским бѣжиши носимий,
Студе вѣку нашего, вреде нестерпимий?..
Что о воех и вождах речем во плѣнъ взятых?..
О користех, знаменах и бронях богатых?..
С малою ли бѣжиши, звѣре, срамотою,
Хоботом заглаждая слѣд твой за собою?
Кое убо торжество, кий лик будет равный
Сей побѣдѣ? Тебѣ же, монархо державный,*

¹⁰ См. подробнее в работе: [Сазонова 1987].

*Что в дар твоя Россия принесет и кия
Воспоет пѣсни?*

[Прокопович 1961, с. 210, 212, 213]

На порядок расположения слов, использование бессоюзия или (чаще) полисиндетона и синтаксическую переусложненность фразы влияет, несомненно, и схема длинного силлабического астрофического стиха (чаще всего 13-сложника):

*В полках же православных Бог непостижимый,
Хотя им дати крѣпость и щит нерушимый,
Всѣх сердца осязает и мысли подробну,
И, аще страх и трепет или неудобну
Ярость ко согласию тайнѣ ощущает,
Изъемлет, и всѣх дивнѣ духи сопрягает
Крѣпким любве союзом, и вливает твердо
Дерзость, но не безбожну и не жестосерду,
Дабы ни на смертную силу полка многа,
Ни на лук свой уповал воин, чтущий Бога.*

[Прокопович 1961, с. 210]

Заключая характеристику риторических приемов Феофана Прокоповича, способствовавших, помимо «услаждения» и «украшения» речи, еще и строительству нового светского языка, упомянем об участии Феофана в культурно-языковых реформах петровского времени и об эволюции его взглядов на церковнославянские грамматические и риторические образцы. «...Если в киевский период Прокопович считал славянский понятным языком, обладающим достоинством культурного языка, то, переехав в Петербург, Прокопович начинает смотреть на него как на непонятный клерикальный язык», о чем свидетельствуют и правка, собственноручно произведенная Феофаном для некоторых сочинений (например, «Истории Петра Великого»), и «Духовный регламент», написанный в 1718 г. Феофаном Прокоповичем и отредактированный Петром Первым [Живов, с. 945–984]. Всё это соответствует поддержанной Феофаном установке на создание нового («простого») языка, так и оставшегося на тот момент не кодифицированным, а только предполагаемым конструктом в будущем его строительстве последующими поколениями писателей российских. Однако уже в гораздо более скромном масштабе, чем на начальном этапе¹¹, снижается и роль мно-

¹¹ Ср. с заключением Б. А. Успенского о том, что ранний Феофан, выступая против экспансии латыни, обосновывает необходимость использования и понятность церковнославянского языка для русских и других славянских народов, но «в дальнейшем Феофан последовательно и целенаправленно стремится к упрощению языка церковных книг, к сближению его с языком

гих «фигур словесных» и «смысловых» в системе средств художественной выразительности¹², служащих «услаждению» речи и «возбуждению переживаний».

Итак, степень активности и качественный спектр использованных в «Епиникионе» фигур речи свидетельствуют об отмеченном А. М. Панченко «умеренном» характере барокко Феофана Прокоповича [Панченко 1973, с. 240–241]. Риторическая теория и практика Феофана Прокоповича оказали важное влияние на дальнейшее развитие русской поэзии и традиции российского красноречия, а вместе с этим и на эволюцию русского литературного языка¹³.

Литература

- Автухович — *Автухович Т. Е.* Прокопович Елисей (Елеазар) // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб.: Наука, 1999. Вып. 2: (К—П). С. 488–496.
- Балашова — *Балашова Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
- Буранок — *Буранок О. М.* Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М.: Флинта; Наука, 2014. 448 с.
- Бухаркин — *Бухаркин П. Е.* Риторика и история литературного языка // *Мир русского слова.* 2017. № 1. С. 47–53.
- Живов — *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. 480 с.
- Живов, Успенский — *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного языкачества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 461–531.
- Кибальник — *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 193–206.
- Копаниця — *Копаниця Л.* «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстувальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // *Література. Фольклор. Проблеми поетики: збірник наукових праць.* Київ, 2012. Вип. 37. Ч. 1. С. 154–162.
- Лахманн — *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академический проект, 2001. 368 с.

разговорным» [Успенский, с. 123], упоминая о «темноте» старославянской учительной литературы в «Духовном регламенте».

¹² Позднейшие рекомендации М. В. Ломоносова коррелируются с этой «умеренностью» слога Феофана: так, например, описывая метафору, автор «Краткого руководства к риторике на пользу любителей сладкоречия» замечает, что не стоит обилием метафор перегружать строку, так как в этом случае в речи станет «больше темности, нежели ясности» [Ломоносов, с. 50].

¹³ О взаимовлиянии риторической традиции и языковой эволюции см., например, в работе: [Бухаркин, с. 47–53].

- Ломоносов — *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. С. 19–79.
- Николаев — *Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // *Русская литература*. 2015. № 2. С. 132–138.
- Панченко 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
- Панченко 1974 — *Панченко А. М.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л.: Наука, 1974. Сб. 9. С. 112–128.
- Прокопович 1961 — *Феофан Прокопович*. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.
- Прокопович 2020 — *Феофан Прокопович*. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.
- Розанов — *Розанов В. В.* Три момента в развитии русской критики // Розанов В. В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 177–191.
- Сазонова 1987 — *Сазонова Л. И.* От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наука, 1987. С. 103–125.
- Сазонова 2006 — *Сазонова Л. И.* Литературная культура России: Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.
- Успенский — *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Наука, 1985. 215 с.

References

- Avtukhovich, T. E. (1999). 'Prokopovich Elisei (Eleazar)', in: *Slovar' russkikh pisatelei 18 veka*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 2: (K–P), 488–496.
- Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 496 p.
- Buranok, O. M. (2014). *Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyi protsess pervoi poloviny 18 veka*. Moscow: Flinta; Nauka, 448 p.
- Bukharkin, P. E. (2017). 'Ritorika i istoriya literaturnogo yazyka', *Mir russkogo slova*, 1, 47–53.
- Feofan Prokopovich (1961). *Sochineniya*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 502 p.
- Feofan Prokopovich (2020). *Ob iskusstve ritoricheskoy desyat' knig*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 488 p.
- Kibal'nik, S. A. (1983). 'O "Ritorike" Feofana Prokopovicha', in: A. M. Panchenko et al., eds. *18 vek: Sbornik statei i materialov*. Leningrad: Nauka. Vol. 14: *Russkaya literatura 18 — nachala 19 veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste*, 193–206.
- Kopanitsya, L. (2012). "'Epinikion" Feofana Prokopovicha: do pitannya pro tekstual'nu strategiyu panegirichnoi poezii v pis'menstvi 18 stolit'ya', in: *Literatura. Fol'klor. Problemi poetiki: zbirnik naukovykh prats'*. Kiev. Vol. 37, 1, 154–162.
- Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya: ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo*. Saint Petersburg: Akademicheskii projekt, 368 p.

- Lomonosov, M. V. (1952) 'Kratkoe rukovodstvo k ritorike na pol'zu lyubitelei sladkorechiya', in: *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 7, 19–79.
- Nikolaev, S. I. (2015). 'O kul'turnom statuse pol'skogo yazyka v Rossii vo vtoroi polovine 17 — nachale 18 veka', *Russkaya literature*, 2, 132–138.
- Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura 17 veka*. Leningrad: Nauka, 280 p.
- Panchenko, A. M. (1974). 'O smene pisatel'skogo tipa v Petrovskuyu epokhu', in: *18 vek*. Leningrad: Nauka. Vol. 9, 112–128.
- Rozanov, V. V. (1989). 'Tri momenta v razvitii russkoi kritiki', in: Rozanov, V. V. *Mysli o literature*. Moscow: Sovremennik, 177–191.
- Sazonova, L. I. (1987). 'Ot russkogo panegirika 17 veka k ode M. V. Lomonosova', in: A. S. Kurilov, ed. *Lomonosov i russkaya literatura*. Moscow: Nauka, 103–125.
- Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 896 p.
- Uspenskii, B. A. (1985). *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka 18 — nachala 19 veka. Yazykovaya programma Karamzina i ee istoricheskie korni*. Moscow: Nauka, 215 p.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti*. 2 vols. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. Vol. 2, 480 p.
- Zhivov, V. M., Uspenskii, B. A. (2002). 'Metamorfozy antichnogo yazychestva v istorii russkoi kul'tury 17–18 vekov', in: *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 461–531.